

Секция «Журналистика»

К генеалогии Недотыкомки
Морозова Анастасия Валерьевна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Журналистики,
Москва, Россия

E-mail: nastyka@list.ru

Через все творчество старшего символиста Федора Кузьмича Сологуба проходит мотив абсолютного неприятия мира действительности, бессмысленности жизни, которой управляет темная злая воля. Пошлость и жестокость этой жизни, «сумеречное настроение», предчувствие гибели, вымирания воплощается Сологубом в символическом образе «мелкого беса» - Недотыкомки.

Слово «недотыкомка» не придумано Сологубом: оно обнаруживается в русских диалектах, в частности, новгородском, где означает всего лишь «недотрогу; обидчивого, чрезмерно щепетильного человека, не терпящего шуток по отношению к себе»[2]. Фонетически «недотыкомка» напоминает такие общеупотребимые слова, как «недотепа», «недоумок» и на первый взгляд не несет в себе никакой угрозы, даже кажется смешным. Однако по строению это просторечное словцо сходно с именами нечистой силы в русской народной традиции (анчутка, луканька, окаянка, шутошка и др.)[3].

Недотыкомка Сологуба безлика, не имеет определенных очертаний, ее образ сцеплен с мотивом пыли. Начало соотношению демонизма с бесформенностью, немощью, распадом и конкретно – с пылью, что стало важной мифообразующей моделью русской символистской литературы, положило стихотворение «Демоны пыли» Брюсова, публично прочитанное в марте 1899 года в Петербурге, в присутствии Мережковского и Сологуба[1], которые оба вскоре развили брюсовскую тему: Сологуб написал стихотворение «Недотыкомка серая...», а затем перенес[5] образ недотыкомки в роман «Мелкий бес», а Мережковский в докладе о Гоголе, превратившемся в книгу «Гоголь и черт» (1906), разработал тему «мелкого беса» в традиционно-богословском ключе[4]: дьявол есть абсолютное небытие и пустота, абсолютная безличность, неопределенность, скрывающаяся за разнообразными масками.

Мережковский считал Гоголя и Лермонтова «предтечами символизма»: «Лермонтов первый в русской литературе поднял религиозный вопрос о зле»[4], - писал Мережковский. Однако лермонтовский Демон, одинокий, трагический и величественный, у символистов превращается в дух уныния, ужасный и гротескный в одно и то же время, начисто лишенный величия и трагизма. Здесь символисты в немалой степени ориентировались на Гоголя и еще более – на Достоевского. Этот сдвиг в понимании дьявола отметил, в частности, Мережковский: «Вся русская литература есть, до некоторой степени, борьба с демоническим соблазном, попытка раздеть лермонтовского Демона»[4]. Символисты испытали чрезвычайно мощное воздействие со стороны чеховского творчества, его поэтики и стиля. Еще Зинаида Гиппиус в статье «Слезинка Передонова»[6] неосознанно, но очень верно угадала родственную литературную близость Передонова к «маленьким людям». Поэтому Недотыкомку можно назвать мелким бесом маленького человека.

Опираясь на стихотворение Брюсова и на знакомые фольклорные мотивы, Сологуб создал собственный поэтический миф. Недотыкомка – «демон пыли» Сологуба – как бы естественным образом вышелушивается из быта, взаимоотношений действующих лиц, из жизни провинциального города, из ее языка.

Сцепление мотива беса с мотивом пыли хорошо известно в народной демонологии: на перекрестках черти шумно справляют свадьбы (обыкновенно с ведьмами) и в пляске поднимают пыль столбом (в «Мелком бесе» Сологуба показана свадьба «демона» Передонова и «ведьмы» Варвары). Другие свойства недотыкомки также находят себе подтверждение в русской традиции. Например, недотыкомка часто обращается в различные предметы, в том числе живые. То, что недотыкомка (в отличие от Передонова) не боится церкви и ладана, имеет многочисленные параллели в русских текстах, в том числе в «Повести о бесноватой Соломонии». В текстах того же рода бесы связаны с пожарами и поджогами, как и в финальной сцене маскарада в «Мелком бесе».

Если повнимательнее приглядеться к Недотыкомке, то в ее «литературной генеалогии» мы обнаружим не только фольклорные корни. Необходимо отметить также типологическое сходство этого «демона пыли» с *seirim* – ветхозаветными демонами, и с джиннами исламской мифологии, духами пустынь и песков.

Если рассматривать недотыкомку как явление более широкого плана, как принято в литературе символистов, то это образ, соответствующий предреволюционному времени – времени написания романа – опасному, тревожному, непонятному. Недотыкомка бездеятельна и лишена дара речи. Она бегаёт, суетится, повизгивает и похихикивает. Это историческое измерение мысли. Но помимо него в романе следует видеть и метафизическое измерение. На наш взгляд, абсолютизация зла реальной действительности Сологубом привела его к выводу о бессмысленности жизни не только в показанном в романе провинциальном городке, но и всей жизни в целом, особенно в свете неизбежной смерти. Мир передоновых и недотыкомок – мертвый мир, чуждый высоким духовным идеалам. Видимо, поэтому Передонов видит недотыкомку во время совершения священных обрядов (освящение новой квартиры) и в церкви. Роман «Мелкий бес» наиболее полно развертывает мифологему «демонов пыли», «бесконечно малых величин зла», распада, энтропии. Он в крайней и беспощадной форме отображает вселенную, лежащую во зле – то царство Аримана, контуры которого намечены в изысканиях Вяч. Иванова. Недотыкомка – фантом, галлюцинация, привидение, могущее обмануть зрение, слух, обоняние человека (ближе к концу у нее появляется эпитет «вонючая»). По мере развития сюжета недотыкомка становится все материальнее, но дотронуться до нее по-прежнему нельзя, следовательно, нельзя ее уничтожить. Страшным нам представляется именно тот факт, что от нее нельзя избавиться, т.е. невозможно уйти от злого абсурда и нелепости окружающей повседневной жизни.

Литература

1. Брюсов В. Дневники 1891-1910, М., 1927
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., Т. 2, 1881
3. Максимов С. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903
4. Мережковский Д. Избранные статьи: Символизм, Гоголь, Лермонтов. М., 1972.

5. Минц З. О некоторых неомифологических текстах в творчестве русских символистов // Творчество А.А. Блока и русская культура XX века, Блоковский сборник, 3, Тарту, 1979
6. Публичная электронная библиотека. http://fsologub.ru/about/articles/articles_56.html